

ХАНТЕР С.
ТОМПСОН

ХАНТЕР С.
ТОМПСОН

ЦАРСТВО СТРАХА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т56

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Hunter S. Thompson
KINGDOM OF FEAR

Перевод с английского *Д. Вебера*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения The Gonzo Trust
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Книга содержит нецензурную брань

Томпсон, Хантер С.

Т56 Царство страха / Хантер С. Томпсон ; [пер. с англ. Д. Вебера]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-113085-5

Страшитесь! Хантер С. Томпсон, крестный отец Гонзо, верховный жрец экстремальности и главный летописец Американского кошмара, берется разобратся в теме, взяты за которую побоялся бы любой, — в теме самого себя.

В «Царстве страха», его долгожданных мемуарах, Добряк Доктор окидывает взглядом прошедшие несколько десятилетий существования «на полную катушку» чрезмерных злоупотреблений и зубодробительных писаний. Это история безумных путешествий, воспаленияемых бурбоном и кислотой, сага о гигантских дикобразах, девушках, оружии, взрывчатке и, разумеется, мотоциклах. Воспоминания о беспутном детстве в Луисвилле, о приключениях в мире порнографии, о битве за пост шерифа в Эспене и о случайной попытке убить Джека Николсона. Наряду с этим «порочным и пугающим отчетом о проделанной работе» Хантер С. Томпсон разоблачает саму тьму в сердце сегодняшней Америки в то самое время, когда «Придурочный Президент» и Новые Тупые взяли ее под свой контроль и нацию сотрясают войны против террора, зла, Ирака, нездорового образа жизни и когда понятие «страха и отвращения» становится еще более значимым, чем когда-либо.

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© The Estate of Hunter S. Thompson, 2003

© Перевод. Д. Вебер, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Посвящается Аните

ПРЕДИСЛОВИЕ ТИМОТИ ФЕРРИСА

Поль Валери однажды сказал, что «настоящий поэт — это тот, кто вдохновляет». В таком случае Хантер Томпсон — настоящий поэт. Его сочинения пробудили к жизни целую толпу подражателей (все как один провалились — никто не пишет так, как Хантер), они проложили дорогу в журналистику сияющим потоком дикарской мудрости и беспардонного напора, которыми теперь может воспользоваться любой журналист, у которого хватит ума учиться на опыте Томпсона, а не пытаться в точности воспроизвести его стиль. Насыщенный, скажем так, образ жизни Томпсона, описанный как в его собственных произведениях, так и в свидетельствах очевидцев, также породил своего рода имитаторов, и опять-таки очень немногие осмеливались залетать так глубоко и высоко, как он. Все, кто хотя бы немного знаком с Хантером, полностью очарованы им, и сложно сказать, что же больше способствовало его славе — его работы или его невероятная личность. К настоящему моменту продается уже пять его биографий, в Голливуде про Томпсона сняли два фильма, его имя упоминается на миллионах интернет-сайтов чаще, чем имена

Уильяма Берроуза, Аллена Гинзберга, Джека Керуака, Нормана Мейлера и Томаса Вулфа, вместе взятых.

У внимательного читателя неизбежно возникнет вопрос: кто же в результате прославился — Хантер-писатель или Хантер — книжный герой? Этот вопрос и призвана разрешить эта книга. «Царство Страха» — это не просто мемуары, книга иллюстрирует противоборство и взаимодействие двух вышеуказанных Хантеров. Конечно, ответ не столько ясен: подобно «Автобиографическим Заметкам» Эйнштейна, «Царство Страха» легко перескакивает с исповедальных слов автора на забористые «истории из жизни». Что ж, только так и можно создать близкую к реальности картинку. Каждый человек — это целая толпа, как утверждал Уитмен, говоря о множественности своей личности, и тем более трудно выразить плоской схемой личность писателя и творца, учитывая, что этот самый писатель в качестве предмета исследования может предложить гораздо больше, чем мгновенный фотоснимок реальности. И все же противоборство Хантера-писателя и Хантера — лирического героя отчасти проливает дрожащий свет факела на тьму в пещере, откуда хлещут прекрасные потоки его сочинений.

Заметки Хантера прежде всего безумно смешны; он способен потягаться с любым современным американским сатириком. Подобно любому настоящему юмористу, он совершенно серьезен. Любой невероятный кураж, описанный в его работах, вполне достоверен. Хантер — репортер, щепетильный до мелочности, настоящий профессионал; и он вовсе не шутил, когда во время лекции в Стрэнде

на Редондо-Бич сказал аудитории: «Я — самый точный журналист, о котором вы когда-либо слышали». За те тридцать лет, что мы дружим, он гораздо чаще исправлял мой стиль и грамматические ошибки, чем я — его, причем вовсе не потому, что он повсюду носит свой, скажем, «магнум-454», тот самый, из которого он как-то расстрелял одну из своих многочисленных и многострадальных пишущих машинок «IBM Selectric». «Такой пистолет — это, конечно, слишком, если ты не собираешься разнести «бьюик» с расстояния в двести метров», — сказал он мне потом, комментируя инцидент с пишущей машинкой. «Пуля пронзила машинку насквозь, прошла через нее, как луч сквозь стекло. Место, где вошла пуля, оказалось нелегко отыскать. Пришлось сходить за ружьем калибром поменьше, вот тогда дело пошло». Кто, кроме него, мог в ходе безостановочных круглосуточных пьянок, когда с ног валились и не такие зубры, глубоко и аналитически освещать Съезд Демократической Партии в 1972 году, разоблачив между делом главный слухсенсацию — дескать, Джордж Макговерн уступит свое место Президенту Профсоюза Транспортных Рабочих Леонарду Вудкоку (Хантер тогда не поверил в это и, как обычно, оказался прав); параллельно он исследовал словарные коннотации слова «сила» — насилие, могущество, страсть, оцепенение, лютость, горячность, потрясение, суровость, дикость, извержение... «Просто страшно, — сказал Хантер, — это почти что мой портрет».

Его работы отличает одно удивительное качество: они как будто написаны в другом пространстве, откуда истинная подоплека любого события выглядит столь же ясно, как движение циклона

для космонавтов на орбите. Хантер смотрит в корень и не обманывается. В таком случае у читателей возникает логичный вопрос: насколько преувеличены описания бесчисленных эскапад Хантера: быстрые машины, бешеные мотоциклы, стрельба и взрывчатка, красоти и сносящие крышу наркотики, его беспечные заигрывания с ужасающими катастрофами, благодаря которым выражение «страх и отвращение» стало идиомой, да не в одном языке?

Не настолько уж и преувеличены, чтобы мы могли и дальше чувствовать себя спокойно.

Хантер всю жизнь числится студентом школы Страха; преподавателем, впрочем, тоже. Недавно вместе с Уорреном Зевонем он написал песню «Ты — *совсем другой человек*, когда испытываешь страх», и он не считает, что достаточно знает вас, пока не познакомится с *тем самым человеком*, а не с обычной благопристойной маской. Всякое бывало: он наставлял на меня лошадиные шприцы с чем-то страшным внутри, целился из заряженного ружья, оглушал выстрелами, не говоря уже о газовых баллончиках «Мейс», брал с собой на дико скоростные ночные рейды по местам серийных убийств — правда, сомневаюсь, что его сильно развлекли мои реакции на все эти страсти, поскольку я безоговорочно доверяю этому парню всю свою жизнь. Хотя массе других людей Хантер не раз устраивал вечера из тех, что запоминаются навсегда.

Таков он и есть: воющий агрессивный фрик, нередко накачанный чем-то психоактивным, эгоманьяк уровня Бетховена, трудолюбивый и задумчивый, сутяжный и аккуратный, уважительный при

любых обстоятельствах, любящий спокойствие в своем собственном понимании и великодушный. Во времена молодости и бедности, когда меня вышвырнули с последней работы, узнав об этом, Хантер первым делом предложил мне четыре сотни долларов — все деньги, которые у него на тот момент оставались на счету в банке (я узнал об этом обстоятельстве намного позже). Его вежливость и предупредительность отчасти объясняют, почему он вышел живым и невредимым из стольких переделок. Как-то раз я видел, как он, потянувшись за зазвонившим телефоном, случайно сшиб рукой чужой коктейль, стоявший на столе, и затем поймал его той же рукой, не пролив при этом ни капли. Когда мы, пораженные, стали аплодировать такой его прыти, он сказал: «Ну да, вы восхищаетесь моей способностью спасти ситуацию в самый последний момент, но не забывайте при этом, кто тут у нас — причина всех заварушек». На самом деле я не видел никого из тех, кто близко знал бы Хантера и не любил бы его при этом.

Что же — перед нами человек действия, роскошный, яростный и непредсказуемый, как удар молнии, который описывает автор, скромный и незаметный, подобный сове, подчас сам до глубины души пораженный выходками своего героя; сразу и не подумаешь, что у автора и героя — одна шкура на двоих. В «Царстве Страха» полно приключений этой странной парочки — чего стоит хотя бы тот случай, когда Хантер в два часа ночи приехал к дому своего старого друга Джека Николсона на джипе, доверху набитом фейерверками, шутихами и прочей атрибутикой розыгрыша, намереваясь очаровать сердца его детей: «помимо кровоточа-

щего лосиного сердца, в машине лежали огромный динамик, магнитофонная пленка с записью визга поросенка, заживо поедаемого медведями, фонарь мощностью 1 000 000 ватт, полуавтоматический девятимиллиметровый пистолет «смит-и-вессон» с рукояткой из тикового дерева. Кроме того, в машине лежала парашютная сигнальная ракета мощностью 40 миллионов свечей, способная на 40 секунд осветить всю долину, да так, что зарево видели бы и за 40 километров». Когда оказалось, что дети Николсона вовсе не рады припасенным для них гостинцам, да еще в два часа ночи, Хантер, по собственному признанию, «почувствовал, что им пренебрегают». Но все-таки прислонил огромное кровоточащее лосиное сердце к двери, хотя ему и не открывали на звонки. «К чему впадать в негатив?» — говорит он обычно в таких ситуациях.

А ведь если убавить цвет и приглушить звук, именно негатив — наше обычное состояние. Мы что-то делаем, сами толком не зная почему, и подчас только и можем, что удивляться последствиям: мы идем из ниоткуда в никуда. Роберт Фрост как-то написал, что мы танцуем по замкнутому кругу, предполагая себе что-то там, в то время как разгадка ждет нас в самом центре. Хантер танцует с нами, но вместо того, чтобы что-то там предполагать, он просто не делает вида, что знает отгадку, ту самую, что в центре. Джозеф Конрад написал в предисловии к «Черному Нарциссу», книге, сильно повлиявшей на молодого Хантера («Книга что надо, — говорил он. — На ее героя мне долгое время хотелось быть похожим, он высоко поднял планку»), буквально следующее: «Моя цель — при

помощи печатного слова заставить вас слышать, заставить вас чувствовать... заставить вас видеть», подарить «отвагу, утешение, страх, шарм — все, что потребуете, и, возможно, даже показать отблеск истины, о которой вы совсем забыли спросить». Думаю, Хантер вполне мог бы подписаться под этими словами.

За это мы его и любим.

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ СПОРТИВНОГО ОТДЕЛА

Прошлой ночью я смотрел футбольный матч между Денвером и Оклендом, как вдруг трансляция прервалась спецвыпуском новостей, в котором говорилось, что, по информации ФБР, группа террористов собирается поразить ряд важнейших целей на территории США, возможно, в ближайшие же 24 часа. ФБР стало известно об этом из самых достоверных источников, как сообщал голос, звучавший за кадром. Американцам предлагалось сохранять предельную бдительность и готовиться к эвакуации в любой момент... Информацию о любых подозрительно выглядящих или странно ведущих себя людях необходимо немедленно сообщить ближайшим представителям сил правопорядка. В стране объявлялась «Красная Готовность».

— Вот черт! Ну только не все это по новой! — стенала мой адвокат. — Мне завтра в Бостон лететь. Что за хуйня происходит в этой стране?

— Никогда не задавай подобный вопрос, — предупредил я ее, — пока тебе уже не известен точный ответ.

— Так известен, как же! — вскричала она. — Мы в жопе! В полной жопе!

* * *

Предисловие Автора — если уж оно и прилагается к роману — это, без всяких вариантов, самая жалкая и неинтересная часть любой книги, включая, конечно, и мою собственную. Так получается потому, что издатели, остававшиеся до самого ответственного момента слепыми и глухими, отчаянно считают необходимым, чтобы в последнюю минуту, когда книга уже уходит в печать, автор написал какую-то хреновень, иначе все произведение, все два года работы до изнеможения, отправятся к чертям, будут обязательно обречены на провал, если только автор не сочинит несчастную приписку/отмазку.

Так вот, обратите внимание. Четыре нацарапанные на колене бессодержательные страницы, что идут дальше, — напротив, важнейшая часть книги, они о самом важном, о том, Почему не важно все остальное.

Мне вот совершенно не интересно вымучивать эти строки, это *Предисловие Автора*. С таким же успехом я мог бы поступить на курсы, где учат правильно писать коммерческие рекламные тексты.

Я отказался от этой мастурбации еще лет 40 назад, потому что она меня бесила, и точно так же бесят все те типы, что настаивают на ней. И что же? Мы вернулись в исходную точку... Это великая страна, или как?

* * *

Благонадежным ответом будет: «Да, и спасибо Вам за то, что спросили». В случае любого другого